

Глава 52. Твои слова разумны, и нам пока нечего сказать

Уже стемнело, когда они все вернулись в резиденцию Чэн. Старший брат Чэн Юн во главе слуг, с младшими братьями и сестрой, ожидал их в дверях с переносными фонарями в руках.

Ранней весной, когда наступает ночь, темно-синее небо с яркими огнями становится похожим на детский рисунок, вырезанный из темно-синей воощенной бумаги, расплывчатый и теплый. Шаошан сидела в экипаже сзади, придерживая занавеску, и выглядывала наружу. Она видела улыбки на лицах братьев, и уголки ее губ приподнялись в ответной улыбке.

После того, как они не виделись несколько месяцев, все в семье Чэн действительно сильно изменилось.

Госпожа Цин Ли поседела, три старших брата и Чэн Ян стали выше, два младших брата прошли путь от жирных толстячков до костлявых ребрышек с клейким рисом, подаваемых в листьях лотоса, но самым большим изменением подверглась матушка Чэн – не только ее внешний вид стал лучше, но и изначально свирепое выражение лица, еще более оттеняемое взглядом из тонких щелей глаз, ведь она смотрела на людей с враждебностью, которая не проходит бесследно. Временами возникало ощущение, что она к кому-то придирается. Теперь, благодаря месяцам упорной работы ее тело стало крепким и подтянутым, а лицо уменьшилось, а когда она улыбалась, то выглядела очень доброй, что полностью доказывало утверждение о том, что занятия спортом делают людей счастливыми.

Чэн Ши опустился на колени перед матушкой Чэн, произнес слова утешения. Матушка Чэн также, как обычно, коснулась головы своего сына, осмотрев его до пят, и решив, что раз он действительно невредим и не испытывает боли, объявила начало банкета. После банкета все сидели вместе и болтали. Матушка Чэн очень скучала по своему младшему сыну Чэн Чжи и хотела расспросить о нем Шаошан, но сдерживалась, чтобы не потерять лицо перед всеми. Чэн Шаогун продолжал подмигивать своей сестре-близнецу, а Шаошан делала вид, что не видит его.

Чэн Юн не мог не сказать:

–Интересно, как сейчас поживают мои третьи дядя и тетя. Няня, ты можешь нам рассказать?

Шаошан уважительно сказала:

–Докладываю старшему брату, я знала, что моя бабушка скучает по дяде и тете, поэтому я привела очень красноречивую пожилую служанку. В последние несколько месяцев она служила моим дяде и тете, и она слышала и видела столько же, сколько и я. Не лучше ли с завтрашнего дня позволить ей все подробно рассказать бабушке?

Несмотря на то, что матушка Чэн была недовольна поведением Шаошан, однако поразмыслив, если бы она разрешила этой скверной девчонке говорить, то вряд ли смирилась бы с теми несколькими фразами, которыми бы девушка ограничилась, поэтому она дернула уголками губ и неохотно кивнула.

Чэн Ши, повернув голову, с усилием устремил пристальный взгляд на дочь, при этом выражение его глаз было осуждающим, и он в душе ругал эту строптивую, не думающую о мелочах негодницу!

Но Шаошан сказала с улыбкой:

–Отец, позволь мне сыграть для всех... Старшая двоюродная сестра, старший брат, вы не знаете, но я выучилась играть на поперечной флейте, даже матушка сказала, что я очень хороша в этом!

Можно упрекать ее в том, что она упрямая, говорить, что она строптивая, пусть будет так, однако в этом мире должен быть все еще человек, который помнил бы ту ни в чем не повинную девочку, отправленную в деревню и умершую там от болезни. Были косвенные и непосредственные причины, вызвавшие смерть девочки, но матушке Чэн категорически нельзя было дать скрыться от наказания. На протяжении десяти лет Чэн Ши с женой много раз посылали людей, чтобы забрать дочь, и всегда Гэ-ши и эта старуха сопротивлялись ее возвращению.

Эта старуха по сравнению с госпожой Сяо была намного хуже, по крайней мере, у госпожи Сяо репутация праведницы, и когда речь шла о борьбе за семью, она многое могла, однако матушка Чэн исходила всегда из жажды личной выгоды, даже внучка, вернувшись из деревни после продолжительной болезни, не услышала от нее толику извинений. С чего вдруг она должна отказаться от своего к ней отношения, показав свое желание помириться с ней? Что Шаошан с радостью должна собраться и жить с ней в мире и любви?!

Разве это так уж важно – быть всегда правым, потому что состарился? Любой человек может стать старым, если не умрет раньше! А потому не может такого быть, что она простит – она ни в коем случае она не простит!

Слабый и ясный звук флейты звучал так, словно бабочка весной трепетала крылышками на ветвях с опадающими на землю лепестками, улета в море цветов на своих хрупких и очаровательных крыльях, оставив после себя лишь великолепную тень, полную аромата.

Чэн Ши, закрыв глаза, внимательно слушал ее с улыбкой на устах. Жаль, что, будучи старшим сыном, он не только не унаследовал красоту своего отца, но даже не получил хоть сколько-то его артистических зачатков.

Мелодия доиграла только до половины, а Чэн Юн подозвал своего маленького служку и приказал ему выставить свой любимый всей душой длинный цинь, Чэн Шаогун спокойно снял с пояса изящный сюань из черной керамики, первый стал перебирать струны, а последний, закрыв отверстие, подул, и они вдвоем слились со звуками флейты Шаошан.

Чэн Сун не умел играть на музыкальных инструментах, но у него был хороший голос, который мог бы заставить профессора вокального факультета схватиться за голову. Он попробовал спеть, и Шаошан была поражена этим. Вот так раз – в своем низком звучании он был способен доходить до звуков второй октавы тенора, а в высоком звучании даже до сопрано в четвертой

октаве, вдобавок к этому диапазон его голоса был величественным и бесконечно завораживающим.

Весь квартет из братьев и сестры сначала был не особенно слаженным, однако через некоторое время они стали способны играть мелодию в унисон, сдержанные и утонченные звуки цитры, классическая простота сюаня, чистое звучание поперечной флейты, если прибавить к этому звуки пения, наполнявшие просторную резиденцию – все это моментально собралось вместе и вылилось в выдающуюся старинную пламенную песню – «Зайчи»:

Мчусь, мчусь, чтобы выразить соболезнование хоу Вэю.

Возвращаясь, веду лошадь, и слова мои доводят меня до Цао.

Сановник идет, а я печалюсь в сердце...*

*□□ стихотворение из «Книги песен», сборника стихов Древнего Китая. Это произведение госпожи Сюй Му, написанное в период Весны и Осени, и было одним из шедевров царства Вэй.

Чэн Ши покачал головой и улыбнулся, не в силах больше злиться.

Чэн Ян сидела в стороне, легонько отбивая в такт, с завистливым выражением лица. По правде говоря, она также изучала цинь и гусли, однако ее игра была не так хороша, и временами даже довольно слаба. Как она может подобно старшему брату и младшим братьям с младшей сестрой так непринужденно демонстрировать свое искусство перед собравшимися?

Госпожа Сяо пристально смотрела в центр комнаты на четверых детей, мальчики были стройными, высокими и крепкими, девочка – с белой как снег кожей и прекрасным лицом, и все умные и здоровые, их душевная сила захлестывала все мощной волной. Ей вдруг пришла в голову мысль, что если бы она увезла с собой дочь, пусть даже если бы та разбила ей сердце, она бы увидела такую сцену впервые много лет назад.

В конце песни матушка Чэн плакала, полная печали, и пробормотала:

–...как было бы хорошо, если бы ваш дедушка был жив, он родился не в удачное время, никогда в жизни не имел близкого друга, также тонко понимающего музыку, и умер в одиночестве. Если бы он увидел вас такими сегодня, возможно, он смог бы прожить еще несколько лет...

Все в зале молчали, а Чэн Ши вышел вперед и тихим голосом утешал мать.

Шаошан скривилась, не соглашаясь. Она слышала разговоры, как скончавшийся дедушка Чэн несколько десятилетий оказывал «холодный прием» матушке Чэн и до самой смерти не замечал свою старую жену, однако она не представляла, что матушка Чэн до сих пор все еще глубоко любила его. «Я люблю тебя, хотя это не имеет к тебе никакого отношения» – звучит очень благородно и трогательно, но Шаошан чувствовала, что она совершенно не сможет поступать также.

Семейный банкет подошел к концу, и служанки, ухаживая каждая за своим хозяином,

возвратились в свое жилище, чтобы отдохнуть, Шаошан подавила зевоту, следуя за Чэн Ши с женой – ведь ее заставили занять этот маленький дворик так близко от покоев родителей!

Увидев, что они вот-вот разойдутся, Чэн Ши вдруг обернулся и торжественно сказал дочери:

– Няня, прежде чем ты вернешься к себе, зайди к нам.

Сердце Шаошан екнуло: во что она опять вляпалась? Только сейчас было настолько трогательное художественно-образовательное представление, а он все еще думает, как прочитать нотацию собственному ребенку и испортить ей настроение! У батюшки действительно отсутствовали врожденные способности!

– Батюшка, сегодня на городских воротах ввели военное положение, неужели Вам с матушкой не о чем хорошенько посоветоваться?

После того как они попали в город, стало очевидным, что обстановка не такая как обычно, даже если они и ехали по боковым дорогам, все выглядело чрезмерно безлюдным. К настоящему времени погода уже мало-помалу становилась теплее, и обычно район Юйян наводняли бродячие торговцы, крики продавцов вокруг, аромат от кондитерских лавок, а сейчас все пропало, остались лишь только голые мощенные брусчаткой улицы.

Неожиданно старый товарищ Чэн сердито сказал:

– Тебе не стоит торопиться, господин Лин не сказал ни слова о твоей семье, очевидно, что мы не имеем к этому никакого отношения, – сказав это, он подтолкнул госпожу Сяо вперед.

Шаошан беспомощно последовала за ними. Мамочки, быть ребенком – это, получается, не иметь никаких прав человека!

Чэн Ши с женой вошли в покои, Цин Ли уже заранее зажгла высокие свечи и принесла протрезвляющий бульон, который был полезен органам пищеварения, после чего отправила восвояси всех служанок, а сама, блюдя порядок, села сбоку от плотно закрытых дверей, с маленькой бамбуковой корзинкой для шитья на коленях, и поглощенная своими мыслями она рассеяно принялась шить. Чэн Ши с женой сели на коленях справа и слева на почетных местах, а дочь осталась сидеть в одиночестве внизу.

– Сначала расскажи мне, чем ты занималась в последние несколько месяцев, с кем виделась? Не упusti ни малейшей детали! Запрещаю пропускать даже хоть немножко! – отец Чэн залпом выпил чашу с бульоном, с силой поставив чашу на стол, к нему вернулся весь прежний энтузиазм!

– Полностью все рассказать? Но это займет много месяцев! – изумилась Шаошан.

Чэн Ши рассмеялся, потом громко сказал:

– К остальным вопросам вернемся после! Прежде расскажи о Лин Буйи, как ты с ним

познакомилась в конце концов? Сколько раз встречались? Все, о чем говорили и что делали!

-Я полагала что-то серьезное, а на самом деле дело в этом, - Шаошан совсем не испугалась его гнева, все также спокойно сказала: - Знали ли об этом дядя с тетей? Ха, должна огорчить - они не знали. Батюшка, я сейчас говорю не как Ваша дочь, Вы обязательно встретитесь и сразу же начнете читать нотацию дяде. Что бы я не говорила! Так называемая политика кнута и пряника - прежде доброта, а угрожать можно и позже, дядя уже пожилой человек, и отцу нужно благотворно влиять на него, как если бы братскими чувствами нравственно влиять...

-Ладно! - госпожа Сяо не могла больше слушать, изо всех сил стукнув ладонью по крышке стола: - Ладно, говори как следует!

Шаошан усмехнулась:

-Батюшка, матушка, я обещаю рассказать вам все. Вот только ведь есть некоторые вещи, слышать которые не очень приятно, и если вы разгневаетесь, то как-нибудь накажете меня?

Чэн Ши вздохнул и сказал:

-Ладно, ты можешь говорить все, что хочешь. Ни в коем случае я не ударю тебя!

-И нельзя наказывать меня как-то иначе! Я с А-Яо договорилась много всего сделать, и меня нельзя каждый день запираť дома и в наказание давать переписывать тексты!

Старый товарищ Чэн внезапно понял, что оказался между волком и тигром, положение опасное во всех отношениях, а спасения все нет, он со злостью вдохнул воздух и так сделал несколько раз, ощутив, по сравнению с кое-чем, произошедшим в этом году, когда его ратные заслуги присвоили, бóльшую злость, однако ему только и оставалось, что с трудом кивнуть головой в знак согласия.

Увидев, что они пришли к соглашению по всем пунктам, Шаошан больше не притворялась, коротко и ясно поведала о том, как они попали в опасное положение в охотничьем домике, о ночных беседах в усадьбе, в которой когда-то останавливался император, а также о подаренной ей лошади - что же касается той случайной первой встречи в доме семьи Вань, то она не упомянула о ней. Потому что хитроумный отец Чэн и директор Сяо сразу же могли бы связать ее с Лин Буйи и поняли бы, что именно она разрушила мост, в прошлый раз из-за этого ее и побили, а она сейчас не хотела ворошить старые дела.

-Неужели все так просто? - услышав это, Чэн Ши выглядел нерешительным.

Шаошан беспомощно сказала:

-Да, так просто. Каждый раз когда мы встречаемся, все происходит на глазах у всех, даже А-Яо находился при этом, что же мы могли сделать? - тщательно поразмыслив, за исключением той первой встречи в семье Вань, она никогда не была наедине с Лин Буйи, так что если сравнивать с дезинфицирующим средством, то она была чище.

Чэн Ши встал и прошелся по залу, он был очень смущен и не знал, как выразить свои слова.

Госпожа Сяо внезапно сказала:

-Знаешь ли ты... - ей тоже было трудно выразить свои мысли: - Ты знаешь, кто такой Лин Буйи?

Шаошан на мгновение задумалась, а затем нерешительно сказала:

-Старшая сестрица Цици рассказывала мне, что у господина Лина очень-очень много служебных обязанностей, однако я не знаю их наизусть. А-Яо, кроме того, сказал мне, что он является приемным сыном императора... Похоже, что это все...

-Несмотря на то, что Лин Буйи всегда сдержан и дружелюбен, он всегда был молчаливым. Няоня, правду говоря, твой отец виделся с Лин Буйи не менее семи-восьми раз, но ни разу мы не сказали друг другу ни единого слова, и я до сих пор никогда еще не видел его таким как сегодня... таким, - старый товарищ Чэн опять столкнулся с затруднением в виде нехватки цветистых фраз, в конце концов беззастенчиво громко сказал: - Таким любезным!

Шаошан не понравилась его слова, она нахмурилась и сказала:

-Любезным? Батюшкины слова действительно некрасивые! Они с А-Яо в хороших отношениях, словно братья, вероятно, он так заботлив ради семьи Лоу.

-Что за вздор! Я до сих пор никогда не слышал, чтобы у Лин Буйи с семьей Лоу была какая-то исключительная дружба! Самое большое - они приглашали Лин Буйи на банкет пять или шесть раз, а Лин Буйи, увиливая, пришел всего на один! - у почтенного Чэна была ясная голова, чуткий слух и острое зрение, иначе как бы он был способен был достичь нынешнего уровня!

-Конечно потому что батюшка невежественный. Должны ли люди кричать на весь мир, что у них есть дружеские узы ?

-Ладно! - госпожа Сяо, смотря на отца и дочь, опять отклоняющихся от темы, закрыла глаза, попыталась сдержать гнев, сказав: - Хватит ходить вокруг да около, Няоня, тебе не кажется, что Лин Буйи... этот человек имеет... намерения по отношению к тебе?

-Слова матушки еще более неприличны! Что подразумевается под намерением? - недовольно помотала головой Шаошан.

-Точка зрения! Интересная точка зрения! - старый товарищ Чэн вытопорщил усы и бороду и стал похож на большого осьминога, машущего щупальцами. - Тебе не кажется, что Лин Буйи тобой интересуется?!

Супруги думали, что такой откровенный вопрос заставит дочь немного застесняться, кто же мог подумать, что в этот самый момент глаза дочери останутся ясными, лишь с намеком на

беспокойство, и она скажет:

-Эти же слова тетушка говорила мне раньше... Вы считаете, что А-Яо любит меня... Без лишних слов, он сразу же послал своих родителей, чтобы они выступили в роли сватов, вот почему я знаю, что он любит меня. Однако Лин Буйи не сватался, какие мысли блуждают в его душе, кто знает об этом?

Чэн Ши поперхнулся, думая, что эти слова верны.

Госпожа Сяо вновь закрыла глаза и сказала:

-Согласно твоим же объяснениям вы попрощались после инцидента в охотничьем домике, Лин Буйи не стал участвовать в подавлении разбойников, а, получив тяжелое ранение, находился в забытии, восстанавливаясь. Допустим, если даже он и хотел что-то предпринять, то просто не успел.

-Да, я тоже думала об этом. Вот только раз уж так получилось, мы уже, пожалуй, никогда не сможем узнать, что было бы, если бы у Лин Буйи было свободное время, явился ли бы он ко мне и сосватал или нет, - Шаошан покивала головой, соглашаясь, и в конце добавила со смешинкой: - Разве нельзя сказать, что это воля богов?

Проще говоря, интерес Лин Буйи был условным или критерии были такими, что уместно было бы применять настоящее неопределенное время. Вы не можете использовать прошедшее время, потому что человек еще не сделал предложение о браке, и вы не можете использовать будущее время, потому что человек может не прийти, чтобы сделать предложение о браке.

Или его также можно рассматривать как кота Шредингера - если не открыть крышку, то никто не узнает, жив ли еще кот или нет, и, к сожалению, сейчас не было возможности поднять эту крышку.

Чэн Ши не находил слов, беспомощно смотря на жену.

Госпожа Сяо посмотрела на свою дочь, которая совсем не беспокоилась, и через мгновение внезапно поняла:

-По правде говоря, ты не хочешь упускать возможность брака с семьей Лоу.

Шаошан спокойно сказал:

-Верно. После того как я проеду деревню, постоянного двора больше не будет. Я не хочу упускать этот брак.

Чэн Ши снова сел рядом со своей женой в оцепенении.

Госпожа Сяо спросила:

-Няоняо, я хочу спросить тебя, ты любишь А-Яо?

Этот вопрос как тонкая игла уколол ее по всему телу, и Шаошан стало не по себе, но она сразу же остро парировала этот удар, насмешливо сказав:

-Пусть матушка не занималась воспитанием дочери, однако ее требования к дочери очень высоки! Я также спрошу матушку – в эти дни вы заботились о свадьбе старшей двоюродной сестры, неужели вы бы позволили старшей двоюродной сестре полюбить кого-то до брака, а только затем спросили бы у нее – влюблена ли она и стоит ли заключать брак? Разве не по воле родителей мы вступаем в брак и уговорам свахи, в таком случае какая разница теперь между нами? Сейчас в столице большинство супружеских пар вступили так в брак, разве не все они живут хорошей жизнью?

Чэн Ши нахмурился, считая слова дочери весьма бесцеремонными.

Кто же знал, что госпожа Сяо ни капли не рассердится, а напротив спокойно скажет:

-Тебе незачем злить меня. Ты и Ян Ян разные. Независимо от того, испытывают ли она и ее будущий муж какие-либо чувства друг к другу, пока они относятся друг к другу вежливо и уважают друг друга, они могут оставаться вместе навсегда, и не нужно будет говорить о том, кто кому должен. В столице очень много супружеских пар, у которых дело обстоит именно так! Нет нужды уклоняться от моего вопроса – любишь ли ты А-Яо так же сильно, как он тебя?

Шаошан на какое-то время помрачнела, рассерженно проговорив:

-Верно. Я люблю А-Яо, но моя любовь отличается от его. Только вот не знаю – что с того?

-А ты как раз должна знать! – тихо сказала госпожа Сяо.

-Я не согласна с утверждением матушки! – Шаошан сильно ударила ладонью пол и сказала громким голосом. – В этом мире есть много видов любви, и они не обязательно должны быть романтическими. Неужели до заключения брака моя матушка глубоко любила отца? Дочь считает, что в этом мире лучше получить брак по своим устремлениям. Второй дядя был способен дать второй тетушке богатство и привилегии, красивую жизнь и внушительный вид, пусть бы он бил свою жену каждый день по три раза, вторая тетушка была способна все это стерпеть.

-Я буду хорошей женой А-Яо. Не обязательно так сильно его любить, чтобы быть ему хорошей женой! Я буду хорошо о нем заботиться, думать о его благополучии и буду очень внимательной. Я распланирую его официальную карьеру, буду управлять усадьбой и применять инновации. Когда он упадет, я подбодрю его, я буду упрекать его, когда он возгордится. Я помогу ему стать более способным и опытным человеком! Я заставлю всех говорить, что семья Лоу правильно сделала, когда просила меня невесткой! – Шаошан дышала с трудом, она почти кричала, говоря это.

Спустя долгое время Чэн Ши мягко сказал:

-Няоняо, нет, все совсем не так. Твой отец понимал – если бы не хаос во всем мире, приведший к бедствию в семье Сяо, я бы никогда в жизни не смог бы жениться на твоей матушке. Но я все равно хочу кое-что сказать сегодня, позволь мне сделать это еще раз. Даже если у меня не

получилось бы ничего с твоей матерью в этой жизни, я бы предпочел, чтобы у нее была счастливая семья, чтобы ее отец и брат все еще были здесь, и она была бы гордой молодой барышней семьи Сяо, гордой, как пылающее солнце! В то время я знал, что твоя матушка не питает ко мне любви, и я был готов ее ждать, однако... знает ли об этом А-Яо?

Шаошан в растерянности опустила и заплакала, слезинки, словно жемчужины, падали на пол, издавая чистый звук.

Голос девушки, казалось, долетал издалека:

-Но... что мне делать, если моя судьба будет не очень хороша?

-Отец был способен восстановить состояние семьи для матушки, именно поэтому матушка и вышла за него замуж; тетя думала сбежать от жалостливых взглядов родственников и близких друзей, и потому выбрала из надежных кандидатов того, кто наиболее всего радовал взгляд. Как матушка может знать, что у меня будет также, как у нее и тети, и что после свадьбы у меня появится глубокое чувство к А-Яо?!

-Отец, матушка, есть еще третий дядя и третья тетушка, и вы все вместе – счастливые супруги. В этом мире всегда есть счастливые супруги, но я могу не встретить такую счастливую судьбу, как же быть мне тогда?

Капающие слезы уже намочили подол ее одежды, девушка неподвижно сидела на коленях в центре, дрожа от гнева всем телом, на ее лице смешались упрямство и растерянность.

Ей с детства не везло, никогда ничего хорошего не падало ей с неба просто так, ей всегда приходилось работать в два раза больше, чтобы что-то получить.

Пока она усердно учится, ее оценки всегда будут хорошими; пока она усердно работает, у нее будут хорошие друзья; даже в делах сердечных, если усердно работать, она обязательно влюбится в человека, которого она «захочет» полюбить.

Несмотря на то, что делается все от всей души, усердие было не притворным!

Зачем же отец Чэн и директор Сяо укоряют ее!

Если есть дорога гладкая и легкая, так зачем взбираться на горный хребет через терновник?!

Разве нельзя прислушаться к воле Владыки Неба? Небо послало ей А-Яо, и она поймала его, так что же не так?!

Услышав эти слова, Чэн Ши был потрясен.

По правде говоря, он не надеялся, что его дочь будет счастливой в браке, брачный перст судьбы представлял собой предопределение, на которое можно лишь случайно наткнуться, но специально заполучить было нельзя; и уж тем более он не представлял, что его дочь

привяжется к Лин Буйи, поднимется, воспользовавшись высокими связями. На самом деле все о чем говорилось здесь, с Лоу Яо и Лин Буйи бесспорно не имеет никакой связи, а дочь, такая хладнокровная, но с такими мрачными мыслями, действительно сильно перепугала его.

В этот момент голова его пошла кругом от множества забот, Чэн Ши по инерции ухватился за руку жены, дотронувшись, он обнаружил, что ее рука ужасно холодна, как лед, будто у мертвеца.

-Ладно, у тебя все в порядке с А-Яо, и мы с твоим батюшкой не будем говорить об этом, – лицо госпожи Сяо было бледным, ее дыхание дрожало, но ее тон был очень нежным: – Я надеюсь, что вы способны на супружескую любовь на всю жизнь, без всяких невзгод.

И последняя фраза была больше похожа на молитву.

<http://tl.rulate.ru/book/77281/3641134>